

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ

УДК 316.485

© 2014 г.

*О.Ф. Люлька,
В.В. Черноус*

ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Люлька Ольга Федоровна – соискатель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
e-mail: o.lyulka@mail.ru

Черноус Виктор Владимирович – кандидат политических наук, профессор, заведующий сектором политологии и политической социологии Южно-Российского филиала Института социологии РАН, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
e-mail: kavkazdon@mail.ru

Аннотация. В статье показана динамика протестной активности в Ростовской области в 2007–2013 гг. Выявлена мотивация и потенциал протестной активности в Ростове-на-Дону и сельских районах области, отражение в СМИ. Рассмотрены факторы, которые определяют протестные настроения в области. На основе эмпирических данных делается вывод о том, что с точки зрения социальных условий формирования протестной активности Ростовская область характеризуется умеренно позитивной динамикой уровня и качества жизни, сопоставимых со средними по России показателями социально-экономического неравенства.

Ключевые слова: Ростовская область, протесты, городское и сельское население, социальное самочувствие.

Системный мировой кризис, институциональная и политическая турбулентность [1], охватившие многие регионы мира, эффективность сетевых технологий по дестабилизации социально-политических систем на Ближнем Востоке и на Украине актуализируют тему потенциальных протестных настроений в России, их динамику в последние годы.

Ростовская область – приграничный субъект Российской Федерации, ситуация в котором исторически и через современные взаимосвязи резонирует с динамикой ситуации на Донбассе.

Социально-политические, в том числе протестные, настроения в Ростовской области рассматриваются в работах ученых ЮФУ, ЮНЦ РАН и ЮРФИС РАН [2–5], а также в общероссийских социологических исследованиях ИС РАН и других научных центров [6].

Цель статьи – выявить потенциал протестной активности Ростовской области и ее динамику на основе обобщения результатов проведенных социологических исследований.

Население Ростовской области в исследованиях дифференцировано по своим убеждениям относительно эффективности протестных действий как инструмента давления на власть. Несмотря на то что большая часть опрошенных не воспринимает протест как эффективный способ социальных изменений, немалая доля граждан (около 20 %) вполне лояльно относится к протестной активности. Насколько эти установки подтверждаются фактическими данными о количестве и масштабах протестных акций, которые имеют место в регионе, демонстрирует таблица. В ней приводится динамика протестной активности населения Ростовской области с 2006 по 2011 г.

**Динамика протестной активности в Ростовской области
в 2006 – 2011 гг. [6]**

Год	Число акций протеста	Количество участников	Среднее количество участников
2006	331	48 850	148
2007	196	32 053	164
2008	202	19 979	99
2009	258	18 597	72
2010	236	22 942	97
2011	395	24 544	62

Как видно, количество протестных акций и количество людей, которые в них участвовали, подвергались значительным колебаниям. С 2006 по 2009 г. шло постепенное угасание протестной активности – прежде всего по количеству участников протестных акций, само же количество протестных акций стабилизировалось еще в 2007 г. на значении около 200–250 в год, а в 2011 г. наблюдался взрывной рост протестной активности – в 1,5–2 раза. Наряду с данными, взятыми из исследования Г.В. Барановой, нами был рассчитан еще один достаточно простой показатель – среднее количество участников протестных акций. Несмотря на свою простоту, этот показатель позволяет увидеть очевидную тенденцию изменения качества протестной активности – гораздо меньшее количество протестующих в расчете на одно мероприятие. Несмотря на то что по характеру этого показателя даже при минимальном значении (в 2011 г. – 62 чел.) видно, что имеющаяся статистика смешивает в один массив и трудовые споры с заведомо большим количеством участников, и действительно массовые митинги, скажем, с одиночными пикетами, на основании общей тенденции к уменьшению удельного числа участников протестов можно говорить о нарастающей локализации протестной активности.

Кроме того, представляет интерес и такой показатель, как доля постоянного населения региона, которая в течение года оказывается охваченной протестными акциями. Если исходить из усредненных данных, согласно которым с 2006 по 2011 г. в среднем в акциях протеста в Ростовской области принимали участие 27 828 чел., а численность населения старше 18 лет, по данным последней переписи (2010 г.), в области составляет 3 496 198 чел., то в среднем оказывается, что около 0,8 % взрослого населения области могли участвовать в тех или иных акциях протеста. Разумеется, точного заключения на этот счет дать, исходя из расчетных данных, невозможно, поскольку нет статистики повторного участия людей в протестных акциях. И тем не менее можно дать приблизительную оценку протестному потенциалу в регионе, исходя из экстраполяции данных за предшествующие периоды – это от 0,5 до 1 % населения, готовых к активным протестным действиям.

Если говорить о различных формах протеста, то по статистике, приводимой Г.В. Барановой, в 2006–2009 гг. в Ростовской области среди несанкционированных акций протеста имели место [6, с. 150]:

- голодовки (66 %);
- пикеты (20 %);
- забастовки (10 %);

- митинги (3 %);
- блокировки (1 %).

Как видим, те формы протеста, которые можно расценивать как наиболее неконвенциональные (несанкционированные митинги, блокировки), занимают всего лишь 4 % от всего массива акций. Наиболее же популярными формами протеста были те, что предполагают минимальное согласование с государственными органами и минимальную ответственность за нарушение законодательства. Так, например, одиночные пикеты вообще не требуют согласования, если они не угрожают безопасности граждан. Возможности правовой регламентации голодовок еще более ограничены.

Любопытно, что данную статистику можно интерпретировать двояко. Первая мысль, которая напрашивается, – люди склонны использовать те формы протеста, которые им наиболее доступны, требуют минимальной координации с другими людьми, не требуют серьезной самоорганизации протестного движения и предполагают минимальную ответственность в случае отклонения от законодательной регламентации протестных мероприятий. Окончательная же интерпретация зависит от того, на каком из вышеперечисленных аспектов сделать акцент. Так, вполне возможно, что региональное сообщество демонстрировало бы более высокий уровень открытой протестной активности, если бы людям был облегчен доступ к иным формам, кроме голодовок и одиночных пикетов. Иными словами, мы имеем здесь дело с артефактом социального контроля со стороны властных институтов, которые, вполне естественно, заинтересованы в стабильности.

Следует отметить и то обстоятельство, что голодовки и одиночные пикеты – это наименее резонансные формы протестной активности, обладающие минимальной возможностью формирования общественного мнения, политической повестки. Если справедлива гипотеза, которую мы высказали, то вполне возможно, что в региональном сообществе присутствует более высокий латентный потенциал протестной активности. Думается, что изменения, которые были внесены в законодательство об организации массовых мероприятий в 2012 г., закрепили эту тенденцию [7].

Далее мы рассмотрим ряд социологических данных, полученных в ходе репрезентативных опросов, которые можно считать индикаторами протестного потенциала в региональном сообществе. Первый из подобных индикаторов – это уровень политизации массового сознания.

На рис. 1 приведены данные исследований по Ростову-на-Дону (2012 г.) и Ростовской области (2013 г.), что позволяет сопоставить уровень политизированности общества в областном центре и по региону в целом. Ожидаемо уровень политизированности массового сознания в крупном городе оказался выше. Единственной поправкой, которую следует принять, можно признать указание на 2012 г., когда в целом по стране еще сохранялся эффект начала нового электорального цикла, а также последствия подъема протестной волны 2011–2012 гг. И все же, думается, большая инертность населения сельских районов области, влияющая на итоговое значение показателей по региону, имеет место.

Это отчасти подтверждается данными (рис. 2) опросов, проведенных в один и тот же период в области и в Ростове-на-Дону. Население области в целом действительно проявляет чуть меньше внимания к политической информации, идущей из СМИ, в частности к сообщениям о проведении протестных акций. Соответственно, можно сделать вывод, что Ростов-на-Дону как крупный город с более развитым средним классом по сравнению с остальными районами региона действительно подвержен большей политизации массового сознания и распространению протестных настроений в периоды формирования общероссийских протестных волн.

Думается, что этому способствует сразу несколько обстоятельств. Во-первых, как уже было сказано, более высокий уровень материального благосостояния, когда у определенных слоев появляется запрос на политическую самоактуализацию. Во-вторых, более высокий уровень образования, а следовательно, подверженность населения аргументации со стороны оппозиционных интеллектуалов, а также некий интеллектуальный запрос на критику власти. В-третьих, значительно большее проникновение Интернета, социальных сетей как источников информации, предлагающих альтернативные повестки дня. Наконец, концентрация учащейся молодежи, которая в силу особенностей своего социального статуса (незавершенность процессов социализации) и психологического строя, более подвержена радикальным взглядам и способна к быстрой самоорганизации посредством социальных сетей.

На этом фоне для сельских районов Ростовской области, как мы полагаем, при более инертном политическом сознании будут характерны не структурные протестные вспышки, а локальные, описываемые иной логикой: нарушение консервативных житейских конвенций местной властью, мигрантами, угроза нарушения природного баланса местной территории, закрытия предприятий либо накопившиеся эко-

номические проблемы (невыплаты заработной платы, мошенничество в сфере финансов и т.п.). Для малых и средних городов региона, по всей видимости, будет характерен смешанный тип протестного потенциала с акцентом на проблемах, характерных для каждого отдельного населенного пункта (в сфере ЖКХ, защиты окружающей среды, поддержания производства, занятости и т.п.).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, интересуетесь ли вы политикой?» (репрезентативный опрос по г. Ростову-на-Дону, Южный федеральный университет, 2012 г.; репрезентативный опрос по Ростовской области, ЮРФИС РАН, 2013) [8]

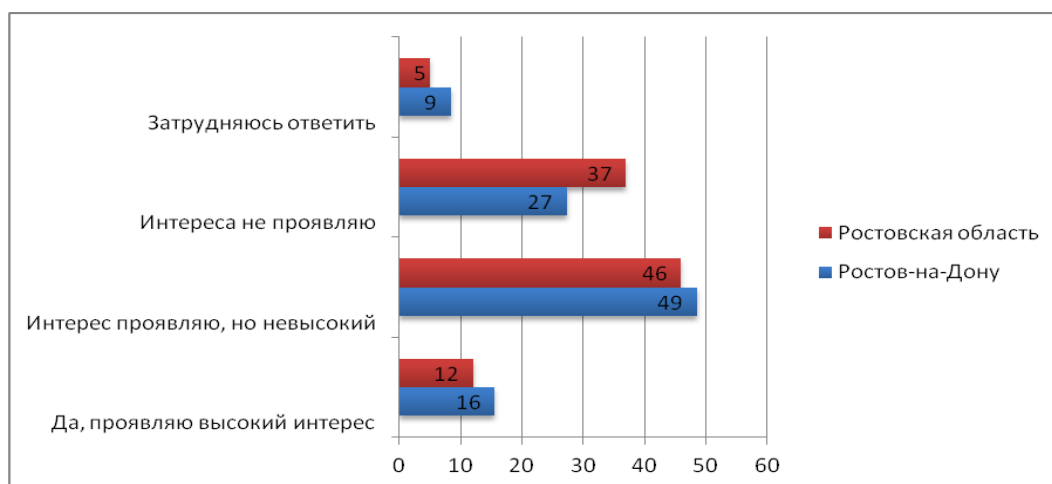

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Проявляете ли вы интерес к информации, сообщаемой федеральными СМИ о протестных акциях?» (репрезентативный опрос по Ростовской области и г. Ростову-на-Дону, Южный федеральный университет, 2012 г.) [4]

Проективный протестный потенциал в регионе составляет около 15–17 % населения. При этом к ядру протестно настроенных групп можно отнести 4-5 %. А реальное участие в акциях протеста, как мы показали выше, принимают менее 1 % населения. Следует отметить,

что все эти значения заметно меньше тех, что наблюдались при опросах населения ВЦИОМ в течение 1990-х гг. Тогда, напомним, около 1/3 населения устойчиво выражали намерение принять участие в акциях протеста (проективный протестный потенциал), а около 7 % опрошенных отмечали, что принимали участие в акциях протеста за последний год (реальный ретроспективный протестный потенциал).

На рис. 3 приведены данные об оценочном протестном потенциале в Ростовской области (2012 и 2013 гг.) и Ростове-на-Дону (2012 г.). В целом по региону значения данного показателя находятся в рамках общероссийской тенденции – в совокупности от четверти до трети населения полагают, что протестные выступления были возможны в период проведения опроса. Имеющиеся данные также указывают на то, что оценочный протестный потенциал в 2013 г. не только не снизился, но и вырос – с 25 до 35 %. Подобного рода динамика должна настораживать и стимулировать поиск социальных противоречий, обуславливающих недовольство населения. Учитывая время проведения опроса в 2013 г., вполне возможно, что на оценку протестных настроений могли повлиять не социально-экономические, а межнациональные противоречия либо какие-либо иные локальные факторы.

Однако даже при возросшей оценке протестный потенциал Ростовской области не превышает среднероссийских значений. Но характерно, что по столице донского региона в 2012 г. мы имеем более высокие оценки протестного потенциала, нежели по региону в целом. В общей сложности чуть больше одной трети опрошенных уже тогда указали на вероятность протестных акций. Есть ли связь между этим фактом и тем, что в 2013 г. и область «подтянулась» в своих оценках к большому городу? Вполне возможно, что донской мегаполис просто оказывается более чутким к информационным волнам, изменению политической повестки.

В целом же данные позволяют еще раз отметить два обстоятельства:

- 1) Ростовская область хорошо вписывается в общероссийские тренды протестной активности;
- 2) Ростов-на-Дону как крупный город более склонен к политизации и аккумулярованию протестной напряженности, обладает спецификой гражданской культуры, что в совокупности ведет к более высоким значениям протестного потенциала.

Выше уже говорилось о таком факторе самоорганизации и мобилизации населения на массовые акции, как легитимность социального протеста в рамках политической культуры. Если судить по данным

рис. 4, то население Ростовской области достаточно лояльно относится к протестующим. Вообще выделяются две лидирующие группы ответов: безразличие (45 %) и одобрение (41 %).

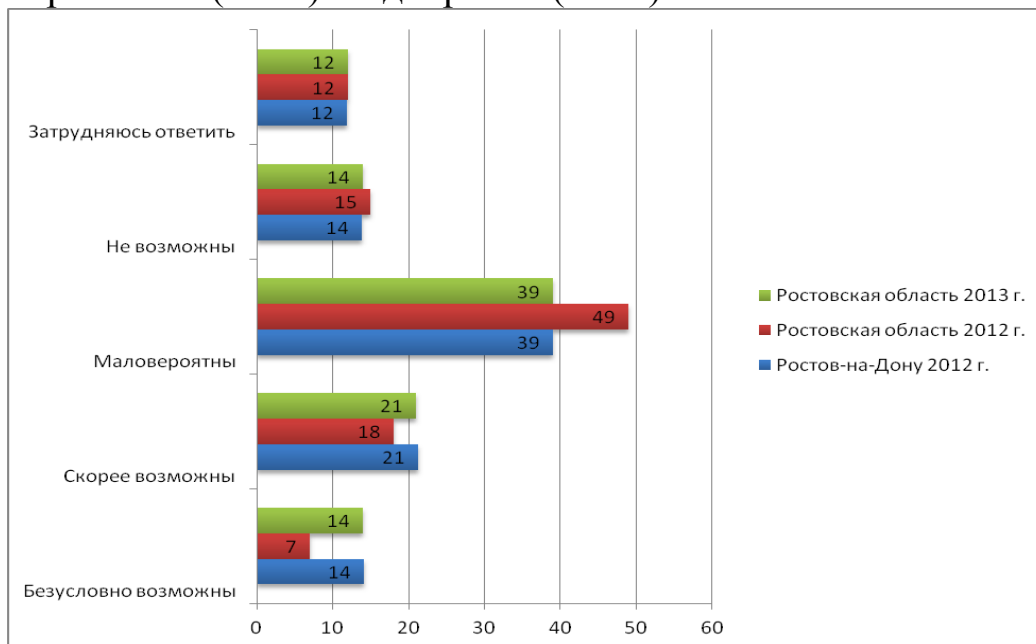

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как вы думаете, насколько возможны сейчас в вашем городе (населённом пункте) массовые протестные выступления населения (митинги, демонстрации, забастовки)?» (репрезентативный опрос по Ростовской области и г. Ростову-на-Дону, Южный федеральный университет, 2012, 2013 гг.) [2]

На рис. 4 представлены данные, которые были получены при использовании методики, предполагающей большую градацию шкалы ответов, к тому же они относятся к 2012 г. Мы видим, что достаточно многочисленной оказалась группа тех респондентов, которые не могут однозначно определить свое отношение к протестным акциям (формулировка вопроса была более «жесткой» – с использованием эпитета стихийные формы протеста), а политический фон проведения опросов – более напряженным (рис. 5).

И тем не менее мы видим, что до трети опрошенных как в области, так и в Ростове-на-Дону с пониманием и симпатией относятся к стихийным протестным выступлениям. Это обстоятельство можно охарактеризовать как наличие в регионе устойчивой группы «сочувствующих» – доли населения в районе от четверти до трети, лояльно относящейся даже к несанкционированным выступлениям. Этой лояльно настроенной по отношению к протестам группе противостоит не менее многочисленная группа противников массовых выступлений, а также около трети населения, которые проявляют даже на оценочном уровне индифферентность. Получается, что по отношению к протестной ак-

тивности население региона как бы фрагментировано на три категории – лояльных, противников и индифферентных.

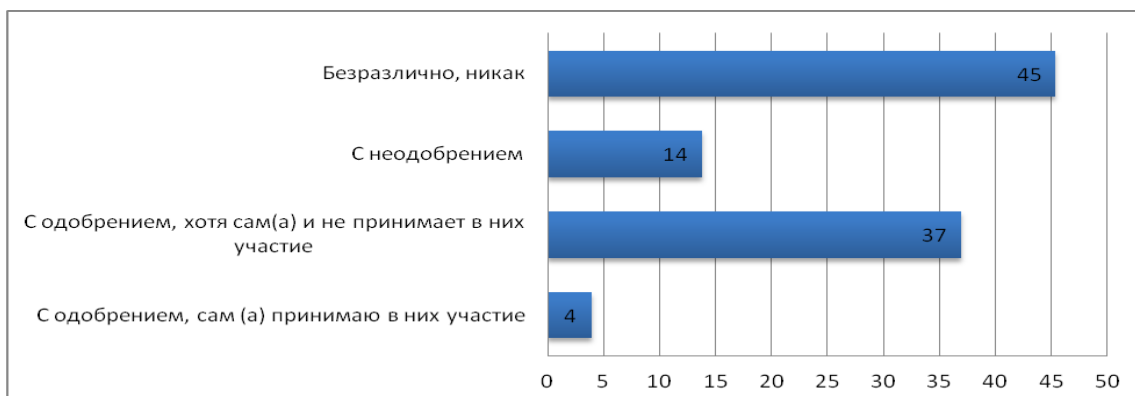

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как вы лично относитесь к людям, принимающим участие в акциях протеста, митингах, демонстрациях и т.п.» (репрезентативный опрос по Ростовской области, ЮР-ФИС РАН, 2013 г.) [8]

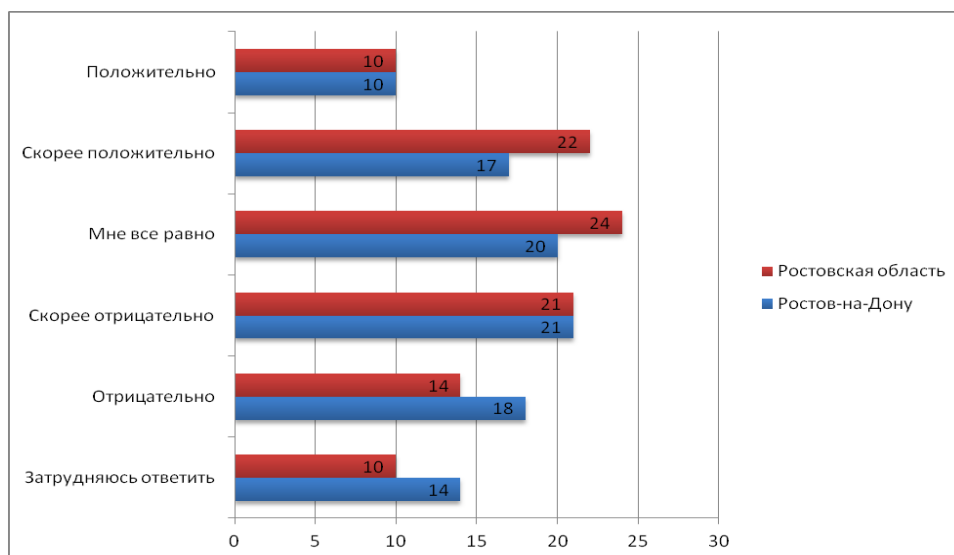

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к стихийным формам общественных выступлений (протестным акциям, митингам, шествиям, сидениям и пр.)?» (репрезентативный опрос по Ростовской области и г. Ростову-на-Дону, Южный федеральный университет, 2012 г.) [4]

В этих условиях крайне актуальным и интересным является вопрос о мотивации участников протестных акций. На рис. 6 приводятся оценки респондентами основных причин, по которым люди выходят на акции протеста. Как видно, в структуре мотивов, о которых говорят респонденты, преобладают условно системные. Во-первых, это накопившееся недовольство положением дел в стране (54 %), во-вторых, те мотивы, которые были определяющими в протестной волне 2011–2012

гг., – сомнение в легитимности результатов выборов (34 %), чувство обиды из-за того, что «интересы людей» были проигнорированы (34 %). Наконец, только на четвертом месте оказалась позиция «попытка решить какие-либо конкретные проблемы» (23 %).

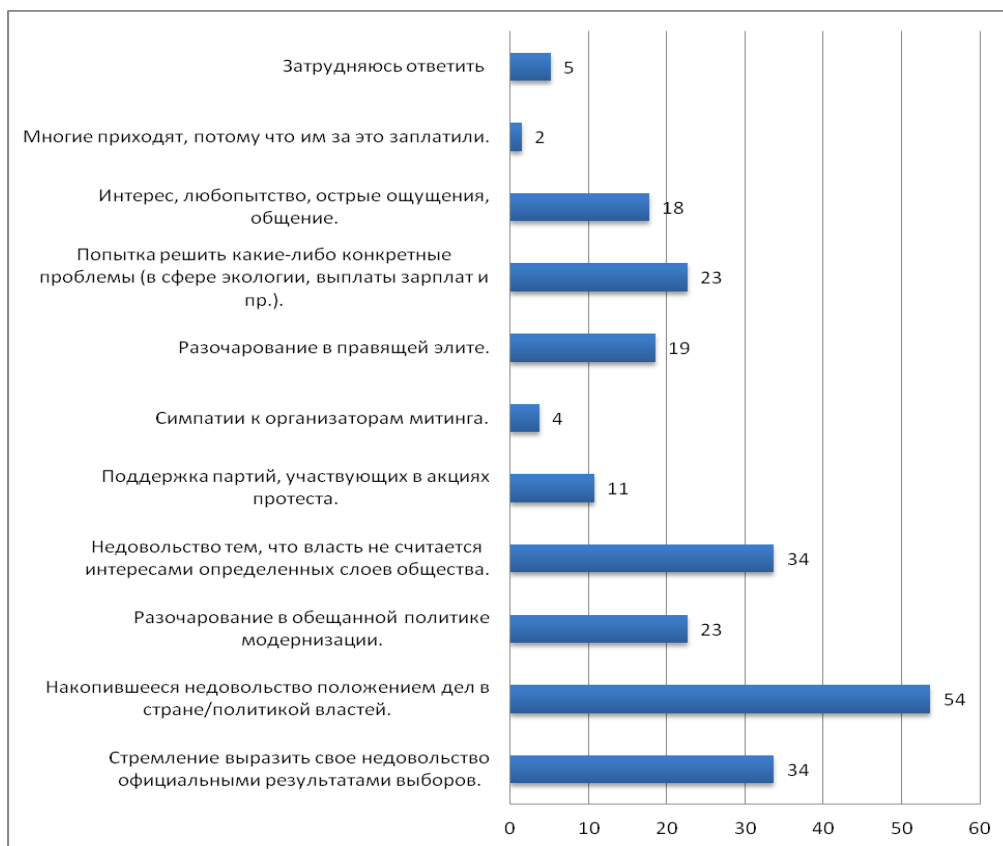

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Как вы думаете, что главным образом побуждает людей выходить на акции протеста?» (репрезентативный опрос по г. Ростову-на-Дону, Южный федеральный университет, 2013 г.) [4]

Что касается позиции «накопившееся недовольство положением дел», то эта категория очень широкая и характерная для многих других регионов России [9]. Эта же позиция занимала первое место при опросах участников протестных митингов в декабре 2011 г. Очевидно, что такое общее определение, как «накопившееся недовольство», выражает скорее не содержательную сторону этого недовольства (чем), а фиксирует некий уровень возмущения, ангажированности общественных настроений.

Сама структура ответов респондентов из Ростовской области, ее совпадение с порядком ответов, полученных в ходе опросов на протестных митингах в Москве, показывают как минимум, что большинству населения региона были понятны мотивы протестующих, значит, последним удалось донести свою позицию до населения страны, в том

числе ее провинций. И в этом свете тот факт, что только 23 % опрошенных в Ростовской области указали на возможность в ходе протестов решить какие-либо конкретные проблемы, говорит о многом. Фактически это индикатор реальной оценки эффективности протестной активности.

Вместе с тем локальные протесты, конкретные протестные акции на региональном уровне, как правило, возникают как спонтанная попытка решить узлы противоречий в контексте какого-либо отдельного «спускового» события, а не в рамках волны протестной солидарности [9]. Большинство опрошенных жителей Ростовской области полагают, что протесты – это своеобразный способ «достучаться до власти». Так считают около половины опрошенных, остальные видят за протестными выступлениями либо политтехнологию, используемую оппозиционными силами, либо неизбежное социальное явление.

В 2012 г. на подъеме общероссийской протестной волны более чем в 20 субъектах России (в том числе двух регионах Юга России) был проведен экспертный опрос о причинах и динамике протестной активности на региональном уровне. В результате исследования были получены интересные данные не только о динамике и масштабах протестов, но и об основных причинах возникновения протестов. Экспертами были названы до 20 социальных противоречий, которые могут стимулировать социальные протесты [10].

Кроме того, абсолютное большинство опрошенных экспертов подтвердили локальный характер протестной активности в регионах, отсутствие протестного движения как такового. Лишь небольшая часть экспертов (4 %) указали на то, что людей в регионах может вывести на улицу какая-либо федеральная повестка. Большая часть (31 %) указала на то, что, как правило, имеет место связка общенациональных, региональных и местных проблем, пятая часть указала на то, что причины протестной активности на местах – это собственно местные и региональные проблемы. Наиболее же заметное влияние на формирование протестных настроений на региональном уровне оказывают следующие проблемы [10, с. 305]:

- рост цен, тарифов, инфляция (67 %);
- низкие зарплаты, пенсии, бедность, материальные проблемы (49 %);
- взяточничество, коррупция, произвол чиновников, бюрократизм (47 %);
- недостаточно эффективная социальная политика, социальная несправедливость, ущемление прав людей (42 %);

– низкое качество и недоступность жилищно-коммунальных услуг (42 %).

Как видно, в основном эксперты указывают на проблемы социально-экономического плана, а также неэффективность бюрократии. При этом социально-экономическая проблематика экспертами априори политизируется – претензии адресуются власти, а сама критика объявляется ресурсом политической оппозиции. В этом контексте характерным является замечание А.В. Соколова о том, что сущностью протестной активности на региональном уровне является направление раздражения и недовольства не против причин, порождающих те или иные проблемы, а против следствий имеющихся противоречий. Как правило, сам протест возникает вообще против уже свершившегося факта нарушения прав или интересов граждан.

Стихийная протестная активность опасна тем, что, часто не имея перед собой осознанных целей, она заражает массы, «всеобщее ощущение несправедливости жизни... униженности» захлестывает улицу [11]. Для подобного развития ситуации, похоже, в Ростовской области условий не очень много. Во-первых, здесь недоверие канализируется лишь к некоторым властным институтам – прежде всего местной власти и правоохранительным органам. Институт губернатора же на этом фоне выглядит возвышающейся скалой политической легитимности. Во-вторых, средние по России социально-экономические условия с широкими адаптационными возможностями и тенденцией к улучшению сочетаются с крепкой консервативной политической культурой, для которой стабильность является основополагающей ценностью. Однако это не означает, что возникающие и воспроизводящиеся социальные противоречия должны упускаться из вида теми, кто принимает решения. Помимо повышения уровня и качества жизни, настройка эффективного диалога и коммуникации с населением, повышение чувства причастности к принятию судьбоносных решений является, видимо, базисом социальной стабильности [12].

Сделаем выводы. Протестное движение в регионах, несмотря на то что оно имеет свою специфику, в значительной степени следует тренду общероссийских волн протестной активности. Всего можно выделить как минимум пять таких волн: 1989 – 1993, 1994 – 1999, 2000 – 2004, 2005 – 2009, 2010 – 2013 гг. При анализе потенциала протестной активности в Ростовской области необходимо исходить из понимания тех общих условий, которые складываются в России в настоящий момент. Последний цикл, связанный с подъемом и политизацией протестного движения, к концу 2013 г. завершился. В настоящее время

в стране нет как единого протестного движения, так и единой политической повестки. Кроме того, основным социетальным последствием событий вокруг Украины на данный момент стали укрепление общественного доверия к президенту России, а также общая ценностная консолидация общества.

С точки зрения социальных условий формирования протестной активности Ростовская область характеризуется умеренно позитивной динамикой уровня и качества жизни, сопоставимых со средними по России показателями социально-экономического неравенства.

Ряд эмпирических параметров показывает, что для сельских районов Ростовской области являются более характерными не структурные протестные вспышки, а локальные, описываемые иной логикой: нарушение консервативных житейских конвенций. Областной центр на этом фоне является средоточием политизации массового сознания, чутко реагирует на общероссийские протестные тренды. Для малых и средних городов региона характерен смешанный тип протестного потенциала с акцентом на проблемах, характерных для каждого отдельного населенного пункта (в сфере ЖКХ, защиты окружающей среды, поддержания производства, занятости и т.п.). Политическая культура в Ростовской области характеризуется предпочтением стабильности переменам, в то же время в массовом сознании присутствует убеждение о важности общественного давления на органы власти.

Литература

1. *Абдурахманов Д.Б.* Политическая турбулентность современного Северного Кавказа в институционально-проблемном измерении // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Общ. науки. 2014. № 4.
2. Законодательное собрание Ростовской области в зеркале социологии / под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д., 2013.
3. Социальное самочувствие и социальное неравенство в Ростовской области : отчет о результатах социологического исследования / под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д., 2013.
4. Трансформация гражданской идентичности в полиэтничном городе: институциональные механизмы и институциональные практики / отв. ред. А.В. Сериков. Ростов н/Д., 2012.
5. *Асланов Я.А., Барков Ф.А., Крамарова Е.Н.* Портрет студентов Южного федерального университета-2013 / отв. ред.

References

1. *Abdurakhmanov D.B.* Politicheskaja turbulentnost' sovremennogo Severnogo Kavkaza v institutsional'no-problemnom izmerenii // Izv. vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshch. nauki. 2014. № 4.
2. *Zakonodatel'noe Sobranie Rostovskoi oblasti v zerkale sotsiologii / Pod red. Iu.G. Volkova.* Rostov n/D., 2013.
3. *Sotsial'noe samochuvstvie i sotsial'noe neravenstvo v Rostovskoi oblasti : otchet o rezul'tatakh sotsiologicheskogo issledovaniia / pod red. Iu.G. Volkova.* Rostov n/D., 2013.
4. *Transformatsiia grazhdanskoj identichnosti v polietnichnom gorode: institutsional'nye mekhanizmy i institutsional'nye praktiki / отв. red. A.V. Serikov.* Rostov n/D., 2012.
5. *Aslanov Ia.A., Barkov F.A., Kramarova E.N.* Portret studentov Iuzhnogo federal'nogo universiteta-2013 / отв. red.

А.В. Сериков. Ростов н/Д., 2013.

6. *Баранова Г.В.* Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10.

7. Федеральный закон Российской Федерации от 8 июня 2012 г. № 65-ФЗ «О внесении в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Официальный сайт «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: www.rg.ru/2012/06/09/mitingi-dokhtml (дата обращения: 11.08.2014).

8. *Посухова О.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В.* Бедность и социальное неравенство в Ростовской области. Часть 2 // Вестник Института социологии РАН. 2014. № 8.

9. *Хайкин С.Р., Попов Н.П.* Актуальные проблемы Северного Кавказа в оценках жителей республик // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 2. С. 163.

10. *Соколов А.В.* Протестная активность в современной России: региональные аспекты // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2012. № 5 (109). С. 300 – 307.

11. *Сергеев С.А.* Эволюция протестного движения в Республике Татарстан: 2005–2011 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20): в 2 ч. Ч. II. С. 174.

12. *Тхагапсоев Х.Г., Черноус В.В.* Реинтеграция России: преграды и пути преодоления // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4.

A.V. Serikov. Rostov n/D., 2013.

6. *Baranova G.V.* Metodika analiza protestnoi aktivnosti naseleniia Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2012. № 10.

7. Federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii ot 8 iunია 2012 g. № 65-FZ «O vnesenii v Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniakh i Federal'nyi zakon «O sobraniakh, mitingakh, demonstratsiiakh, shestviiakh i piketirovaniakh» // Ofitsial'nyi sait «Rossiiskoi gazety» [Elektronnyi resurs]. URL: www.rg.ru/2012/06/09/mitingi-dokhtml (data obrashcheniia: 11.08.2014).

8. *Posukhova O.Iu., Serikov A.V., Chernous V.V.* Bednost' i sotsial'noe neravenstvo v Rostovskoi oblasti. Chast' 2 // Vestnik Instituta Sotsiologii RAN. 2014. № 8.

9. *Khaikin S.R., Popov N.P.* Aktual'nye problemy Severnogo Kavkaza v otsenkakh zhitelei respublik // Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2014. № 2. S. 163.

10. *Sokolov A.V.* Protestnaia aktivnost' v sovremennoi Rossii: regional'nye aspekty // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seria: gumanitarnye nauki. 2012. № 5 (109). S. 300 – 307.

11. *Sergeev S.A.* Evoliutsiia protestnogo dvizheniia v Respublike Tatarstan: 2005–2011 gg. // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 6 (20): v 2 ch. Ch. II. S. 174.

12. *Tkhagapsoev Kh.G., Chernous V.V.* Reintegratsiia Rossii: pregrady i puti preodoleniia // Nauchnaia mysl' Kavkaza. 2013. № 4.